
Аннет Ленн
Тихие комнаты
сборник рассказов
Десять историй
о тех, кто потерял,
но не забыл

Аннет Ленн

Тихие комнаты. Сборник рассказов

«Автор»
2026

Ленн А.

Тихие комнаты. Сборник рассказов / А. Ленн — «Автор», 2026

Десять рассказов о тех, кто потерял, но не забыл.О тишине, которая остается после ухода близких. О старых вещах, хранящих запах и тепло. О привычках, от которых невозможно отказаться, даже когда они теряют смысл. О попутчиках, с которыми можно разделить молчание. О тех, кто продолжает жить, потому что кто-то должен остаться.Это истории о людях, которые научились существовать в пустоте. Каждый из них хранит свою боль молча, не надеясь, что кто-то её заметит. Но однажды они оказываются в одном месте, где никому не нужно ничего объяснять. Иногда, чтобы пережить потерю, достаточно просто сидеть рядом с теми, кто понимает эту тишину без лишних слов.

© Ленн А., 2026
© Автор, 2026

Аннет Ленн
Тихие комнаты. Сборник рассказов

Стеклянный шар.

Чердак был единственным местом в доме, где ещё пахло бабушкой. Не духами — она никогда не душилась, — а чем-то другим: сушёными яблоками, старым сундуком, пылью, нагретой на солнце. Я поднимался туда в конце августа, потому что дом продавали и кто-то должен был разобрать тридцать лет хлама. Вызвался я. Не из благородства — мне проще было остаться с вещами один на один, чем слушать, как риелтор называет «уютным гнёздышком» комнату, где она умерла.

Шар стоял в углу, между коробкой с ёлочными игрушками и сломанным торшером. Стеклянный, с детский кулак, на тяжёлой деревянной подставке. Внутри — домик с красной крышей, три ели и фигурка в длинном пальто, которая так и не дошла до двери. Я взял его в руки и сразу вспомнил, как тряс его в детстве, часами, и смотрел, как снег оседает на крышу, на плечи человечка, на ветки. Бабушка говорила: «Хватит, стекло не казённое», — но не забирала.

Я встряхнул его. Снег поднялся и пошёл вниз медленно, как в воде. И тут запахло мандаринами.

Не духами, не свечкой, даже не елью — мандаринами, теми, что лежали в вазе на кухне в декабре, когда бабушка чистила их ножом, надрезая кожуру крест-накрест, и отдавала мне первую дольку. Всегда самую холодную. Я стоял на чердаке в жару и вдыхал запах, которого там быть не могло, и ничего не мог с этим сделать.

Зимы тогда были длинными. Так говорят все, и я так говорю, хотя не уверен, что это моё воспоминание, а не подслушанное за столом. Помню варежки на резинке, которые она продевала через рукава, чтобы я их не терял. Помню, как она ставила шар на подоконник, и снег внутри шёл, пока за окном тоже шёл снег, и мне казалось, что это одно и то же — что внутри и снаружи один и тот же мир, просто в одном случае он помещается в ладонь.

А её лица я не помню.

Оно было, я знаю. Я видел фотографии — молодая, в косынке, смотрит чуть в сторону, будто её окликнули. Я видел её каждый день до двенадцати лет. И всё равно, когда пытаюсь вспомнить без фотографии, вижу только руки. Сухие, в трещинках, с обручальным кольцом, которое она не снимала, даже когда пальцы отекали. Руки, которые чистили мандарины, продевали резинку через рукава, ставили шар на подоконник. Лица нет. Только руки и запах.

Я поставил шар на подоконник чердачного окна и сел рядом на корточки. Снег уже осел. Человечек в пальто стоял на прежнем месте, не дойдя до двери. Я никогда не спрашивал, кто он. В детстве был уверен, что это Дед Мороз, но у Деда Мороза не бывает такой длинной и усталой спины. Он стоял ко мне спиной и смотрел на домик, в который не входил.

— Ты чего там? — крикнула снизу сестра. — Спускайся, мы через час уходим.

— Сейчас, — сказал я и не двинулся.

В тот год, когда её не стало, я приезжал на выходные. Она уже плохо видела и путала меня с отцом — называла его моим именем, потом спохватывалась и извинялась. Помню, как она сказала: «Ты не сердись, я иногда живу не в этом времени». Я тогда не понял. Сейчас думаю: может, она и правда жила не в этом времени, а в том, где снег внутри шара идёт одновременно с настоящим, и там всё ещё декабрь, и впереди ещё целая жизнь.

А может, я всё придумываю. Может, она ничего такого не говорила, и это моя фраза, которую я ей приписал, потому что мне нужно было что-то, что можно помнить.

Я взял шар и потряс ещё раз. И вспомнил не зиму, а лето. Бабушка сидит на веранде, рядом на столе — шар, и она говорит: «Смотри, если долго трясти, снег не осядет до самого

вечера». Мы трясли его вдвоём, по очереди, и снег действительно не оседал, кружился, как будто внутри была сильная метель, которая решила не заканчиваться. И мне было так хорошо, так спокойно, как потом уже не было никогда.

Сестра позвала снова, и я встал. Шар я не оставил на подоконнике и не положил в коробку с игрушками — завернул в старый свитер, который нашёл в том же углу, и сунул в рюкзак. Сестра потом спросила, что я забрал. Я сказал: ничего, мелочь. Она не стала уточнять, лишь вздохнула.

Дом продали через месяц. На сделку я не приезжал. Шар стоит у меня на полке, между словарями и коробкой от чая, и иногда я беру его и трясу. Снег поднимается и оседает. Человечек в пальто так и не доходит до двери.

Я не помню, как это было на самом деле. Но помню запах мандаринов и сухие руки с обручальным кольцом. Иногда этого достаточно.

Преданный.

Дождь пошёл, когда она уже была под мостом. Сначала редко — по листьям, потом сильнее, потом уже не переставая. Она шла по бордюру, балансируя, сжимая букет герберов; музыка в наушниках глушила ветер, машины наверху, собственные шаги.

Она думала о нём. Не о том, о ком ты решил, дорогой читатель. О другом.

В детстве она начала заниматься тем, что потом стало её работой. Классу к восьмому встретила его. А в начале сентября, ровно через шесть лет, он ушёл.

Слово «ушёл» она не любила, но пользовалась им, потому что остальные были хуже. «Не стало» звучало как из книги. «Потеряла» — будто он был кошелёк. «Умер» она даже мысленно не выговаривала, хотя знала, что это единственное честное слово.

Тропинка спускалась под мост. Земля местами голая, местами в траве и опавших листьях. Склон шёл вниз, к воде. Осень в тот год пришла рано: сентябрь только начался, а листья уже лежали яркими пятнами, река пахла холодом и сыростью.

Место было не то чтобы тайное, но своё. Под кустом, у самого склона, где ветви опускались почти до земли и закрывали всё, что за ними. Она нашла его случайно, лет пять назад, когда пряталась от дождя. С тех пор они приходили сюда с Юки. Он залезал под ветки первым, ложился, ждал, пока она устроится рядом. Отсюда был виден только кусок реки, противоположный берег — и никого больше.

Камень она принесла сама. Плоский, серый, с одной стороны чуть замшелый, тяжёлый настолько, что тащила его от дороги в два приёма, отдыхая. Положила у самого ствола, чтобы куст держал его, не давал съехать. Надпись сделала акрилом — белым, тонкой кистью, в несколько слоёв, чтобы не просвечивало. Потом закрепила лаком в два слоя. За лаком специально ездила в строительный на другом конце города.

«Юки. Самый преданный друг на Земле.».

Получилось неровно. Буква «д» вышла шире остальных, имя она переписывала трижды, потому что рука дрожала, и приходилось соскребать акрил канцелярским ножом. Тогда подумала, что надо бы переделать, но не переделала.

Болезнь заметили поздно. Она почти год бегала по клиникам — в одной говорили одно, в другой другое, в третьей пожимали плечами. Платила, ждала, надеялась, поила его таблетками, которые не помогали. Ему становилось хуже. Она это видела, но продолжала возить его по врачам: делать хоть что-то было легче, чем не делать ничего.

В начале сентября его сердце остановилось. Он не хотел уходить. Она это знала, потому что он смотрел на неё в последнюю минуту, и в этом взгляде не было страха — было что-то другое, чего она потом год не могла себе объяснить.

Она присела на корточки, отогнула ветку. На камне блестели капли — лак держал, надпись не поплыла, только стала чуть ярче от воды, будто её только что написали. Она провела пальцем по буквам, стёрла каплю с «Ю».

Она положила герберы у камня. Раскрыла зонт, села прямо на землю, не заботясь о том, что платье намокнет. Дождь стучал по зонту ровно, как метроном. Она глубоко вздохнула, и в нос ударил запах — тот самый. Опавшие листья, сырость, река. Они с Юки любили это место. Могли сидеть здесь часами: она на камне, он рядом, морда на лапах, оба смотрели на воду. Он никогда не рвался бегать, когда они приходили сюда. Сидел. Смотрел. Иногда вздыхал так тяжело, будто ему было о чём подумать.

Сейчас она сидела одна. Волны разгоняло ветром, они бились о каменный берег, откатывались. Этот звук остался единственным от их общих вечеров.

Стемнело. Тучи немного разошлись, в просвете показалась луна — не полная, но яркая. Свет ложился на воду длинной дорожкой. Она подняла голову. В одной из туч, если долго смотреть, угадывалась собачья голова — уши, морда, всё как надо. Она знала, что это просто облако. Что так бывает, что человек видит то, что хочет видеть, и что это не считается.

Она всхлипнула, неожиданно для самой себя..

— Я скучаю, — сказала она тихо, и ветер унёс эти слова, будто она и не говорила..

Сидела ещё долго, пока не замёрзли руки и зонт не стал казаться слишком тяжёлым. Потом встала, поправила ветку, чтобы та снова закрывала камень, на секунду задержала руку на листьях. Мокрые, холодные, шершавые — как его нос, когда он тыкался в ладонь.

Поднялась по склону, вышла на тропинку. За спиной шумела река, шёл дождь, впереди мелькали огни машин. У самого моста она остановилась и обернулась. Куста отсюда было не видно — только тёмное пятно на склоне.

Дождь усилился.

Попутчица.

Поезд опаздывал. Сначала на десять минут, потом на полчаса, потом объявили, что будет через два часа, и на платформе осталось человек пять. Все делали вид, что не смотрят друг на друга.

Я стоял у стены, под мигающим фонарём. У ног — сумка, набитая так, что молния не сходилась; я стянул её ремнём от старого чемодана, чтобы не развалилась в дороге. В сумке было всё, что я успел взять из квартиры за полчаса: две рубашки, свитер, бритва, зарядка, папка с документами. Квартира была съёмная, и хозяин уже нашёл нового жильца — я сам ему сказал, что съеду к концу месяца. В кармане куртки лежал конверт, который я не открывал.

Уезжать было не от чего. Точнее, не от кого. Мать умерла три года назад, отец — ещё раньше, сестра уехала на север к мужу, и мы созванивались два раза в год, на дни рождения. Друзья были, но все с семьями, с делами, с жизнью, в которую я давно не вписывался. Последние полгода я ходил на работу, возвращался, включал телевизор и смотрел его, не включая звук. Не потому, что мне было плохо. Потому что было пусто.

А потом пришло письмо. Настоящее, в конверте, с маркой. Я не получал писем лет десять.

Метрах в трёх от меня сидела на скамейке женщина. Лет шестидесяти, в плаще, с сумкой на коленях — она держала её так, будто внутри было что-то, что нельзя ставить на землю. Рядом лежал зонт, хотя дождя не было. Она смотрела на рельсы и не двигалась. Я подумал: вот человек, который знает, куда едет. Мне это было нужно. Не разговор — просто постоять рядом.

Я неловко сел на другой конец скамейки. Она не обернулась.

— Тоже ждёте? — спросил я.

— Жду.

— Два часа — это много.

— Мне не к спеху.

Больше она ничего не сказала. Мигал фонарь, где-то за путями лаяла собака, потом перестала, и на станции наступила та самая вечерняя тишина. Я достал конверт, повертел в руках, не открыл. Она заметила.

— Письмо?

— Не знаю. Не читал.

— Как же так?

— Так получилось.

Она кивнула, будто это был нормальный ответ. Потом сказала, не смотря на меня:

— У меня в сумке тоже. Не письмо. Вещи. Я утром собралась и ушла, пока дочь спала. Взяла только то, что влезло. — Она помолчала. — Знаете, что самое страшное? Не то, что я ей мешаю. Это я давно знаю. Страшно то, что я не могу вспомнить, когда в последний раз была ей нужна. Не «полезная» — нужная. Чтобы она позвонила не потому, что надо, а потому, что хочется. Я сижу и вспоминаю, и не могу. Как будто всю жизнь была чем-то полезным — сначала мужу, потом ей, — а кончилась польза, и всё, и меня больше нет. Я даже не обижаюсь.

Она сказала это спокойно, без слёз, и от этого спокойствия мне стало хуже, чем если бы она плакала.

— А муж? — спросил я.

— Муж умер. Пять лет уж как. — Она поправила кольцо на пальце: оно было ей велико, всё время сползало. — Не в этом дело. Я бы и с мужем, наверное, уехала. Просто некуда было.

Она замолчала. Фонарь мигнул и погас, потом загорелся снова. Я смотрел на её руки: сухие, в трещинках, с обручальным кольцом, которое блестело в свете фонаря.

— А вы? — спросила она. — Что у вас в конверте?

Я сказал, что не знаю. Что письмо пришло неделю назад, и я его не открывал. Что почерк на конверте я узнал сразу, хотя прошло много лет. Что писал человек, которого я когда-то знал очень близко, а потом потерял, и я не понимаю, зачем он пишет теперь, спустя столько времени, и что я боюсь открывать.

— А куда едете?

— К брату. В область. Поживу, пока не найду работу. — Я усмехнулся. — Звучит как план. На самом деле я просто не знаю, куда ещё ехать.

Она кивнула. Не с жалостью — просто кивнула, как человек, который понимает, что бывает и так.

Мы просидели ещё полчаса. Говорили о ерунде: что поезда ходят хуже, что раньше на этой ветке было больше остановок, что зимой здесь, наверное, холодно. Обычные разговоры людей, которым нечего друг другу сказать, но которые почему-то не хотят расходиться или молчать.

Потом объявили поезд. Издалека показался свет, платформа загудела, оставшиеся поднялись с мест. Женщина встала, взяла сумку и зонт. Кольцо соскользнуло с пальца, упало на бетон, звякнуло. Она наклонилась, подняла его, надела обратно — и на этот раз оно село плотно, будто палец за эти полчаса стал другим.

— Ну, — сказала она. — Счастливо вам.

— А вы? Поедете?

— Поеду. К сестре. — Она улыбнулась, и её лицо показалось моложе. — Она обрадуется. Наверное.

Поезд подошёл, двери открылись. Я зашёл в вагон, поставил сумку на полку, сел у окна. Она зашла в другой вагон — я видел её спину в плаще, как она ищет, куда сесть. Потом поезд тронулся, станция осталась позади, в окне поплыли огни — редкие, далёкие, чужие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.